

УДК 821.111

DOI: 10.17223/24099554/6/4

С.Б. Королева

В ПОИСКАХ НАСТОЯЩЕЙ РОССИИ (СЛОЖНЫЙ ВЫБОР МОРИСА БЭРИНГА)

В статье рассматриваются русские образы в публицистическом и художественном творчестве Мориса Бэринга, одного из самых авторитетных английских русофилов начала XX в. Предпринимается попытка не только определить своеобразие публицистической и художественной позиций Бэринга в отношении русского мира, но и обнаружить причины резкого контраста между ними.

Ключевые слова: образ, Россия, английская литература, публицистика, литературный канон.

Морис Бэринг – журналист, переводчик, поэт, писатель, драматург, эссеист начала XX в. – был одним из первых русофилов, деятельность которых задала новое направление пониманию «русского» в Британии. Знакомство Бэринга с Россией началось в Копенгагене в 1904 г. Здесь он, будучи секретарем английского посольства, сблизился с семьей графа Бенкендорфа; в том же году посетил имение Бенкендорфов в селе Сосновка (Тамбовской области). В 1905 г. он приехал на русский Дальний Восток в качестве корреспондента лондонской газеты «Морнинг пост» (*Morning Post*), чтобы освещать события русско-японской войны. Однако, как оказалось, главный интерес для него представляли душевные беседы с русскими солдатами и офицерами, романы великих русских писателей, столичные спектакли [1]. Вплоть до 1912 г. Бэринг остается русским корреспондентом «Морнинг пост», освещая театральную жизнь Москвы и Петербурга, а также революционные события 1905 г. Он регулярно приезжает и в Сосновку к Бенкендорфам, а в 1914 г., накануне Первой мировой войны, привозит сюда Герберта Уэллса.

Свои взгляды на Россию и русский национальный характер Морис Бэринг выразил в обретших относительную известность книгах «С русскими в Маньчжурии» (*With Russians in Manchuria*, 1905), «Год в России» (*A Year in Russia*, 1907), «Русский народ» (*The Russian People*, 1911), «Истоки России» (*The Mainsprings of Russia*,

1914); его перу также принадлежат две книги о русской литературе: «Вехи русской литературы» (*Landmarks of Russian literature*, 1910) и «Очерк истории русской литературы» (*An Outline of Russian Literature*, 1914)¹.

Итоги опыту общения Мориса Бэринга с русским миром подводит самый поздний из его публицистических трудов о России – книга «Истоки России». Ее стоит рассмотреть подробно. Замечательно уже открывающее книгу «Посвящение»: «Я знаю <...> что между русскими и англичанами существуют интересные возможности взаимной симпатии, любопытные аналогии и еще более любопытные различия, которые дополняют друг друга» (перевод наш. – С.К.) [3. С. V].

Доброжелательным и чутким вниманием к русскому миру окрашены все наблюдения и размышления, изложенные в книге. Кратко, но совершенно определенно Бэринг характеризует особенности русской природы: Россия у него предстает совершенно «плоской страной, без изрезанного побережья» (a flat country, without an indented seacoast) и без «резко выделяющихся горных цепей» (without sharp mountain ranges) [3. С. 16]. В описании отрицательные конструкции указывают на существование в подтексте второго образа, с которым сопоставляется русский, – Британии. В этом сопоставлении за русской природой закреплено «чужое», но притягательное «простое». В ее простоте Бэринг видит необъяснимое очарование; о красоте русской природы он говорит в конце книги; ей он посвящает отдельную статью в академическом журнале «Рашн Ревью» чуть ранее, в 1913 г. Простота и очарование русской природы в этой статье связываются с простором, бескрайностью и пространственной пустотой [4. С. 12].

Следующие несколько страниц в книге отведены очень краткому и тоже весьма определенному изложению вех русской истории. Среди них Бэринг указывает монголо-татарское нашествие, эпоху Петра I, войну с Наполеоном. Прямо называя русских «буфером», на протяжении веков защищавшим Европу от воинственных восточных полчищ, силой, «разбившей» Наполеона, народом, вошедшим в период правления Петра I в число европейских, Бэринг очерчивает русскую историю мотивами героической защиты и больших культурных прорывов [3. С. 19].

¹ Последняя была охарактеризована Бернадом Пэрсом в «Славоник ревью» как «талантливая» и «много проясняющая» [2. С. 59].

Большая часть книги отведена описанию менталитета русского человека. И здесь Бэринг отталкивается от сложившихся в сознании англичан стереотипов разного происхождения: о том, что русские – «рабы» (slaves) по своему характеру, как это можно понять из английской литературы XIX в. [3. С. 142]; о том, что они постоянно пребывают в состоянии мрачной меланхолии (gloom, melancholy), как представляется англичанам, познакомившимся с романами Тургенева, Толстого и Достоевского [3. С. 157–159]; о том, что Россия состоит исключительно из нигилистов и полицейских, или революционеров и провокаторов из тайной полиции, как это вырисовывается из сообщений в английских газетах [3. С. 155]. Для автора очевидно другое: что, напротив, русские «никогда не были рабами» (never have been slaves), несмотря на крепостное право; что русский народ – это, прежде всего, крестьяне; что для русского мужика характерны здравый смысл (common sense), жизнерадостность (cheerfulness) и чувство юмора (good humour). К портрету «среднего русского» Бэринг также добавляет «мистицизм» (mystic), «веру в Бога» и в божественное Провидение, склонность к крайностям (the Russian goes easily to extremes), общительность и чрезмерную разговорчивость (sociable, talkative), терпимость (tolerant), искренность (lack of hypocrisy) и доброту (kind) [3. С. 47, 60, 159, 160, 161, 162]. Эти располагающие к себе черты русского характера, вместе с волшебнопредостой красотой русской природы, неотразимо притягательны для Бэринга, и словами об «уникальном волшебном очаровании России» оканчивается эта книга (unique magic of Russia) [3. С. 301].

Бэринга нельзя назвать первым в Англии и, шире, в Европе распространителем новых идей о России. Он во многом опирался на труд французского мыслителя Э.-М. де Вогиюэ «Русский роман» (*Le Roman Russe*, 1886), получивший широкую известность в западных странах, переведенный на английский язык в 1913 г. и к этому моменту переизданный во Франции уже одиннадцать раз. В рецензии журнала «Рашн Ревью» (*Russian Revue*) на перевод этой книги говорится, что Вогиюэ «очень много сделал для закрепления славы русских романистов», а его исследованию даются характеристики «восхитительное», «проницательное» и «очень убедительное» [5. С. 206–207]. О связи книги Бэринга с этим трудом можно судить, в частности, по тому списку исключительно французских имен, которым автор иллюстрирует свой тезис о европейской известности Тургенева – Флобер, Жорж Санд, И. Тэн. Действительно, Вогиюэ едва

ли не первым ясно озвучил общую мысль об утрате западным человеком христианской веры и вместе с ней цельности и человечности в эпоху всеобщего позитивизма и механизации. «Религиозность» при этом Воюэ связал с «душой», душевностью и одушевленностью; противостоящую ей «научность» – с «механистичностью», «атомарностью» мышления и душевным омертвлением. На положительном полюсе этого вектора у Воюэ оказываются Россия и русский роман (а также, хотя и в меньшей степени, роман английский); на отрицательном – Франция и французский роман, а также вся современная западная цивилизация. Воюэ прославляет «сочувствие», освященное «духом Нового Завета» как ключевой момент русского романа. В то же время он говорит о «библейском духе», которым «пропитан» и английский роман [6. С. 15, 18].

В этом отношении Морис Бэринг – и вместе с ним историк Бэрнард Пэрс, писатель и журналист Стивен Грэм, литературовед и культуролог, историк Чарльз Сароли и многие другие – следовали не только за Воюэ, но за личными и одновременно общими переживаниями недостаточности, ложности, нечеловеческой механистичности, антихристианскости современной им английской действительности. Ведь именно в это время – на рубеже XIX–XX вв. – в английскую литературу и общественную мысль входят темы агрессивной бездушности, «коммерциализации и индустриализации» (Дж. Конрад, эссе «Автократия и война» (*Autocracy and War*), 1905), хрупкости европейской культуры (Т.С. Элиот, поэма «Бесплодная земля» (*Waste Land*), 1922), угрозы, которую массы – «гунны» и «вандалы» западной цивилизации – несут высокой культуре (Г. Джеймс, письма, 1886). В этой атмосфере закономерно возникает новое прочтение русской религиозности не как «средневековых предрассудков», но как истинной (естественной) христианской веры и особенностей поведения и быта русских не как «варварства» и «невежества», но как «естественной простоты». Более того, эти черты видятся близкими подлинным чертам британского национального характера.

О первоначальном движении к провидению в современном «русском» «своего» британского можно судить по популярной среди интеллектуальных читателей книге «Россия» (*Russia*, первое издание вышло в 1877 г., всего книга выдержала десять изданий) Д.М. Уоллеса, журналиста и писателя, проведшего в России около шести лет. В статье, открывающей первый выпуск журнала «Славо-

ник ревью» (*Slavonic Review*) говорится об этой книге Уоллеса как о «первом очерке» «современного россиеведения» в Британии [2. С. 59]. Написанная в жанре записок путешественника, она делает попытку беспристрастного описания современной писателю российской действительности. И уже в первой части ее появляется характерное наблюдение: «Я <...> всегда бывал поражен в русском крестьянине его здравым смыслом, добродушием, полуфаталистической самоотверженностью и сильным желанием узнать что-нибудь о другой стране» (перевод наш. – С.К.) [7. С. 5]. Как видим, Уоллес замечает в простом русском человеке те черты «здравого смысла» и «добродушия», которые традиционно признавались закрепленными за английской ментальностью.

Примечательны попытки Уоллеса сблизить современное «русское» с древним (кельтским) «британским». Так, описывая невольную «фаталистичность» русского крестьянина, надеющегося на судьбу, Бога, волю Провидения тогда, когда он встречается с непредвиденной трудностью, Уоллес вспоминает ирландскую фразеологию и отношение к ней британцев. В частности, он говорит о фразе «мост, разделяющий два берега» (the bridge that separates the two banks) и общепринятое насмешливое неприятие англичанами точки зрения, воплощенной в ней [7. С. 13]. Справедливость этой точки зрения, однако, Уоллес подтверждает личным опытом российской действительности, в которой мост зачастую находится в настолько запущенном состоянии, что пересечение его представляет большую опасность.

Схожим образом более поздние работы С. Грэма последовательно проводят мысль о естественной устремленности русского человека к Богу, о сохранении той живой религиозности, которая была свойственна западному раннему христианству. В его книге «Путь Марфы и путь Марии» (*The Way of Martha and the Way of Mary*, 1916) читаем: «Русские всегда ищут место, где они могут узнать что-нибудь о Боге. Любая вещь для них наполнена смыслом. Это – истинный источник русского духа и того гения, который характерен для русской литературы и искусства <...> Россия – страна сущностно живая. [Русские] обладают тем религиозным пылом, который был характерен для раннего христианства. <...> У русских детская душа, и русский крестьянин может попасть на небо тогда, когда мы не можем. Потому что они “как дети”» (перевод наш. – С.К.) [8. С. 53–74].

Проникновенно о призыве русской души «в мире, разрывающемся от страданий» «понять и принять страдающих рядом с нами <...> всем сердцем» писала Вирджиния Вулф в эссе «Русская точка зрения» (*Russian Point of View*) (перевод наш. – С.К.) в 1925 г. [9. С. 238–246].

Удивительно контрастными, в сравнении с публицистическими книгами Бэринга, оказываются по общей окрашенности русских образов, персонажей, сюжетов его рассказы и пьесы. Если в бэринговской публицистике в целом в соответствии с распространившейся в Европе «модой» на Тургенева, Толстого, Достоевского, на одухотворенную русскую культуру создается новый положительный духовно-мистический образ России и русского человека, то в его художественных произведениях Россия предстает миром агрессивного социально-политического хаоса. Очевидно, что такой образ прямо воплощает социально-политические реалии современной предреволюционной и пореволюционной России. Однако резкость несоответствия его с публицистическим бэринговским образом России свидетельствует и о другом: подобный облик страны определяет специфический литературный канон. Формировавшийся в английской литературе на протяжении всего XIX в., начиная с полубурлескных образов Екатерины Великой, Суворова и его казаков в поэме Байрона «Дон Жуан», продолжая образами мрачного полудикого «варвара» с Востока в поэзии Теннисона и заканчивая глубоко инфернальными образами «Белого царя» и его царства в творчестве Суинберна, этот канон диктует английскому автору не только отрицательное прочтение всего «русского», но и социально-политическую точку зрения на него.

Морис Бэринг работает в традициях классического реализма, но предпочитает романной форме жанр короткого рассказа. В рассказе «Офицер полиции» (*Police Officer*, из сборника 1908 г.) Россия 1905 г. изображается как страна, наполненная беспорядками, страхом и скептическим недоверием к любым действиям правительства. Не только взрослый мир охвачен неподконтрольным желанием убивать, но и дети играют в социал-революционеров, бросающих бомбу в полицейских. В конце концов, за героем – офицером полиции Александром Петровичем – приходит «летучая колонна» социал-революционеров, чтобы выполнить «приказ». Они убивают его тут же, в его собственном саду [10].

В рассказе «Аморфисты» (*The Amorphists*) рассказчик-англичанин обнаруживает, что не только большие города, но и провинция, самое захолустье охвачено эпидемией абстрактных идей, ради которых люди готовы разрушать все возможные границы, социальный порядок и убивать друг друга. Хозяин гостиницы, объясняющий приезжему положение в городе, так описывает «аморфистов»: «<...> Аморфисты – это крайне левое крыло партии Свободного Закона. <...> Никто из тех, кто признает какие-либо законы или правила, не может быть аморфистом <...> У них нет вождя, потому что каждый из них вождь. Их девиз – “смерть буржуазии, покончить с интеллектуалами, студентами и евреями; Жизнь, Воля, Анархия, Смерть”» (перевод наш. – С.К.) [11. С. 256]. Положение представляется тем более катастрофическим, что ни хозяин гостиницы, ни полиция не хотят ничего противопоставить этим идеям; напротив, выказывая странное уважением к ним, они невольно признают себя носителями той же философии. В рассказе «Племянница губернатора» (*The Governor's Niece*) юная аристократка Ирина Андреевна оказывается, как и все, «пораженной вирусом» общего «возбуждения», предчувствия и жажды новых порядков и втянутой в деятельность социал-революционеров. Ей поручается убить дядю, она соглашается и едва не делает этого, но, поговорив с ним, понимает глубину своего заблуждения и взрывает бомбу на себе на пустой улице [12].

Схожие темы и мотивы разрабатываются и в пьесе М. Бэринга «Двойная игра» (*The Double Game*, опубликовано в 1911 г.). Здесь в одном доме живут или встречаются люди самого разного социального положения, образования, профессии, возраста. Однако все они говорят о революционно-анархической деятельности, взрывах и убийствах как о само собой разумеющихся вещах и положительных приметах времени социально-политических перемен. Центральными персонажами пьесы оказываются молодые люди, непосредственно вовлеченные в социал-революционную «партию», – писатель Ракинт, аристократка Мария Андреевна и студент Ромодин. Ракинт, однако, работает на полицию с тех пор, как убедился в нечестности и беспринципности руководителей «партии», и пытается предотвратить кровавые убийства; Ромодин не является активным участником деятельности «партии», и только Мария Андреевна готова выполнять любые ее поручения. Дело осложняется «любовным треугольником»: взаимной влюбленностью Ракинта и Марии Андреевны и влюбленностью в нее Ромодина, а также усугубляющимся невери-

ем Ракинта в возможность «побороть революционеров» и «спасти страну». Единственная его вера – это вера в любовь, однако она не может осуществиться. Узнав о двойной игре Ракинта, Мария Андреевна стреляется.

Как видим, русский мир в «Двойной игре» Бэринга предстает до конца расшатанным, раскачанным, потерявшим опору и скатывающимся в бездну анархического хаоса и нечеловеческих убийств во имя идей нового – преображенного – политического строя, социальной свободы и справедливости. Расшатанность русского мира предстает, прежде всего, *этической проблемой*, следствием дискредитации человеческих (в основе своей христианских) ценностей. Ключевым моментом здесь, конечно, является контрастная позиция единственного иностранного персонажа пьесы – англичанина Джеймсона. Он ужасается всеобщему приятию революционно-анархических методов воздействия на государство. «Я думаю, вы все каннибалы <...> Вы обсуждаете это [покушение] так, как будто кто-то пропустил очко на теннисной площадке» (перевод наш. – С.К.) [13. С. 280]. В этом мире не место человеческим чувствам, и жизнь человеческая обесценена. В то же время он не ставит проблему в метафизически-философском плане и релятивирует понимание политических процессов, происходящих в России, тем, что влагает в уста своих русских героев историческое и ментально-психологическое объяснение их отношения. Димитриев противопоставляет британскому «хладнокровию» Джеймсона «искренность» и «сердечность» русских, поясняя свою живую реакцию на сообщение о покушении на высокопоставленное лицо. Елизавета Ивановна говорит о своих смешанных чувствах – недовольстве именно этим лицом, ужасе от всего происходящего и понимании закономерности анархического движения в стране, так долго находившейся под давлением авторитарного режима.

Другая его пьеса – «Серый чулок» (*The Grey Stocking*) – вводит в связи с политической тематикой семантический узел русского характера. В него входят характеристики стереотипные, устно воспроизводимые нецентральными персонажами пьесы, и черты живого образа – Петра Величковского. В отношении стереотипных представлений симптоматична реакция миссис Симпсон – одного из второстепенных персонажей пьесы – на реплику героини, Сайбил, о русском соседе: «Он анархист?» Дальнейшие предположения о нем также состоят из ряда стереотипов, получивших распростра-

нение в английском социокультурном сознании эпохи. В этот ряд входит представление о хороших лингвистических способностях русских, о трудности их языка, о том, что русские любят «все английское – политику, торговые объединения, книги».

Петр – «преувеличенный» русский эмигрант, причем русский только наполовину. Выглядящий вполне англичанином, говорящий на «почти безупречном» английском, он определяет себя сам как человек без корней, не принадлежащий ни одному национальному миру, много размышляющий и не способный действовать. В глубине души он действительно анархист и готов бросать бомбы, но, по его собственным словам, ему не хватает решимости и энергии. По ходу действия выясняется, что Петр проникновен и искренен, может глубоко чувствовать «другого». Он, в частности, вспоминает свои и всеобщие надежды на революцию 1905 г. и глубокое разочарование в ее итогах. Он понимает скрытые страдания Сайбил, двойственность ее стремлений жить глубокой, интересной жизнью и быть вовлеченной в жизнь окружающих ее людей.

Пьеса дает контрастную картину искреннего, глубоко думающего и чувствующего русского и многочисленных английских друзей героини, отличающихся «узостью мышления», «перекультивированностью», «лицемерием» и «притворной нравственностью». В связи с этим и социализм предстает здесь модным «увлечением», означающим в целом политическую оппозиционность и неопределенную «борьбу» с несправедливостью общественного устройства. Сам Петр Величковский прямо противопоставляет русскую интеллигенцию английским интеллектуалам по параметрам искренность – притворство, естественность – претенциозность [14].

Петр в то же время не единственный выделяющийся и противопоставленный другим герой. Стремления к естественно глубокой, искренней жизни отличают героиню пьесы Сайбил и одного из ее друзей Томми. Для них, так же как и для Петра, характерны неудовлетворенность своей жизнью, желание что-то в ней изменить и неспособность решительно действовать. Такое взаимоотражение черт русского и английских героев релятивирует в пьесе представление о национальном характере и указывает на принципиальное сходство в современном состоянии русского и британского общества. Это внутреннее сходство закрепляется внешне во взаимном влиянии «русского» и «английского»: русское анархическое и социалистическое движение, породившее революцию, вызывает в английском

обществе социалистические настроения (для Томми это убеждение, для других персонажей пьесы – мода); русский персонаж Петр «любит все английское» и старается выглядеть как настоящий англичанин.

Как видим, в творчестве Мориса Бэринга публицистический образ России – мистической, религиозной, открытой, чарующей, веселой, здравомыслящей, болтливой, человеческой – сущностно сталкивается и резко контрастирует с художественными русскими образами. В публицистике Бэринга на первый план выходит тот образ русского мира, который предопределен общей духовной устремленностью европейцев эпохи к русскому духовно-нравственному источнику и подкреплен личными впечатлениями автора от его пребывания в России. В пьесах и рассказах Бэринга Россия представлена в основном социально-политическим планом. Отражая анархически-революционные настроения и драматические, трагические события современной автору русской действительности, этот образ одновременно следует английскому *литературному канону изображения русского мира* как мира социально-политической несправедливости, тирании, агрессии. Именно эта традиция подталкивает автора проникновенной, исполненной сочувствия и восторга публицистической книги «Истоки России» в своих художественных произведениях неизменно муссировать темы русского нигилизма, анархизма, социальной несправедливости и социально-политического хаоса.

В то же время следы того нового понимания русских и России, которое сформировалось в Англии на рубеже XIX–XX вв. и которое так ярко выразилось в публицистике Бэринга, потаенно проникают в его драматургические психолого-бытовые зарисовки. Они проявляются как бы помимо авторских эстетических установок в изображении отдельных русских героев его пьес как людей искренних, сердечных, готовых к самопожертвованию и способных глубоко думать и любить.

Литература

1. *Супрун Т.Н.* Английские русофилы на рубеже XIX – XX веков. Англичане с русской душой [Электронный ресурс] // Виноград. Журнал для родителей. 2007. № 1 (17). URL: <http://www.vinograd.su/education/detail.php?id=42954>
2. *Pares B.* The Objectives of Russian Study in England // *The Slavonic Review*. 1922. Vol. 1, № 1.
3. *Baring M.* The Mainsprings of Russia. London: Thomas Nelson and Sons, 1914. 328 p.
4. *Baring M.* The Fascination of Russia // *Russian Review*. 1913. Vol. 3, № 1. P. 11–17.

5. *Review of The Russian Novel*, by Vicomte E. m. de Vogüé / Notes on Current Books // Russian Review. 1913. Vol. 3. № 1. P. 206–207.
6. *Vogüé E.-M. le Vicomte de*. The Russian Novel / tr. from the eleventh French edition by Colonel H.A. Sawyer. London: Chapman and Hall Ltd, 1913. 324 p.
7. *Wallace D.M.* Russia: in 2 vols. London: Cassell, 1905. Vol. 1. 456 p.
8. *Graham S.* The Way of Martha and the Way of Mary. London: Macmillan and Co., 1916. 291 p.
9. *Woolf V.* Russian Point of View // Woolf V. Collected Essays: in 4 vols. London: Hogarth Press, 1966. Vol. 1. P. 238–246.
10. *Baring M.* A Police Officer // Baring M. Russian Essays and Stories. London: Methuen and Co, 1908. P. 243–253.
11. *Baring M.* The Amorphists // Baring M. Russian Essays and Stories. London: Methuen and Co, 1908. P. 254–263.
12. *Baring M.* The Governor's Niece // Baring M. Russian Essays and Stories. London: Methuen and Co, 1908. P. 233–242.
13. *Baring M.* The Double Game // Baring M. The Grey Stocking and Other Plays. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1911. P. 267–366.
14. *Baring M.* The Grey Stoking // Baring M. The Grey Stocking and Other Plays. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1911. P. 5–132.

Koroleva, Svetlana B. Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: klimova1@hotmail.com

SEARCHING FOR THE TRUE RUSSIA (A COMPLICATED CHOICE FOR MAURICE BARING)

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2016, 2(6), pp. 69–80. DOI: 10.17223/24099554/6/4

Keywords: image, Russia, British literature, journalism, literary tradition.

Maurice Baring was one of those British authors whose books caused the spread of a new attitude to Russia among British readers, common and intellectual, at the beginning of the 20th century. This change of the British attitude to the Russian world was deeply rooted in a vivid reception of novels written by ‘major Russians’ – Turgenev, Tolstoy, Dostoyevsky, as well as works by other Russian writers, musicians, artists. The positive reception of modern (and even ancient) Russian culture in this period characterized Britain not exceptionally: it started in France in the 1880s with the publication of the book *Le Roman Russe* by E.-M. de Vogüé and continued throughout decades and countries until the end of the 1920s.

For Maurice Baring it was supported by his own impressions formed while he was working in Russia as a journalist. Baring's books *The Russian People* (1911), *The Main-springs of Russia* (1914), *Landmarks of Russian Literature* (1910) and *An Outline of Russian Literature* (1914) became quite widely known. All and each of them created a deeply attractive (for the British reader) image of Russia – a country of nature's charming beauty, of people's naïve faith, cheerfulness and kindness.

By contrast, in Baring's stories and plays (written in the same period) the reader faces the Russia of political anarchy and social aggression. Most of his Russian characters (in the stories *Police Officer*, *The Amorphists*, *The Governor's Niece* (1908), in the plays *The Double Game* and *The Grey Stocking* (1911)) throw bombs, commit suicides and are ready to kill people for the ideas of anarchic freedom and social justice. To assert that in this case Maurice Baring depicted just what he saw and heard in Russia and read in Britain would be

to simplify the situation. The gap between his 'journalistic' – and his 'literary' Russia is too wide to be explained by the influence of historic reality, or fashion, or social atmosphere. Obviously, in his journalistic books and in his literary works Baring chose *two different policies* of depicting Russia. While in case of the 'journalistic' image of Russia, influenced by the positive reception of Russian literature and people in European journals and journalistic books in the period between the 1880s and 1920s, he follows the new tendency of looking at Russia's spiritual and vital 'otherness', in case of his 'literary' Russian images he writes in accordance with the long European tradition of demonizing Russia as a country of political aggression and social injustice. In British literature this tradition was formed in the 19th century – first in Romantic poetry (Byron, Moore, Coleridge), then in works by W.M. Rossetti, Tennyson, Swinburne. It has continued throughout centuries until our times.

References

1. Suprun, T.N. (2007) Angliyskie rusofily na rubezhe XIX – XX vekov. Anglichane s russkoy dushoy [English Russophiles at the turn of the 20th century. Englishmen with a Russian soul]. *Vinograd. Zhurnal dlya roditeley*. 1 (17). [Online] Available from: <http://www.vinograd.su/education/detail.php?id=42954>.
2. Pares, B. (1922) The Objectives of Russian Study in England. *The Slavonic Review*. 1:1.
3. Baring, M. (1914) *The Mainsprings of Russia*. London: Thomas Nelson and Sons.
4. Baring, M. (1913) The Fascination of Russia. *Russian Review*. 3:1. pp. 11–17.
5. Anon. (1913) Review of The Russian Novel, by Vicomte E. m. de Vogüé. Notes on Current Books. *Russian Review*. 3:1. pp. 206–207.
6. Vogüé, E.-M. le Vicomte de. (1913) *The Russian Novel*. Translated from the eleventh French edition by Colonel H.A. Sawyer. London: Chapman and Hall Ltd.
7. Wallace, D.M. (1905) *Russia*: in 2 vols. Vol. 1. London: Cassell.
8. Graham, S. (1916) *The Way of Martha and the Way of Mary*. London: Macmillan and Co.
9. Woolf, V. (1966) Russian Point of View. In: Woolf, V. *Collected Essays*: in 4 vols. Vol. 1. London: Hogarth Press.
10. Baring, M. (1908) A Police Officer. In: Baring, M. *Russian Essays and Stories*. London: Methuen and Co.
11. Baring, M. (1908) The Amorphists. In: Baring, M. *Russian Essays and Stories*. London: Methuen and Co.
12. Baring, M. (1908) The Governor's Niece. In: Baring, M. *Russian Essays and Stories*. London: Methuen and Co.
13. Baring, M. (1911) The Double Game. In: Baring, M. *The Grey Stocking and Other Plays*. Boston; New York: Houghton Mifflin Company.
14. Baring, M. (1911) The Grey Stoking. In: Baring, M. *The Grey Stocking and Other Plays*. Boston; New York: Houghton Mifflin Company.